

Стенограмма заседания диспут-клуба АНЦЭА «Нужна ли России антимонопольная политика?»

(Диспут состоялся 15 декабря 2012 года в Ассоциации независимых центров экономического анализа между Светланой Авдашевой из НИУ ВШЭ и Вадимом Новиковым из РАНХиГС. Стенограмма этого диспута приведена без редактуры).

Вводное слово ведущего

– Это 69-я наша встреча. Тем не менее, хотя было 68 диспутов и тема очень важна, до сих пор ни разу мы ее не обсуждали. У нас все темы важные, те, кто к нам ходит, знает это. Но сегодня редкий случай, когда мы можем точно сказать, насколько она важна, поскольку только что появилась работа, которая дает точную оценку цене вопроса – это 2,5% ВВП. Наверное, не каждый день нам удастся такие масштабные проблемы обсуждать здесь. А кроме того, еще одно приятное событие. Я хочу вместе с вами поздравить Светлану Борисовну, которой в сентябре была присуждена и вручена медаль Ассоциации независимых центров экономического анализа за выдающиеся достижения как раз в исследовании антимонопольной политики. *(Аплодисменты.)*

– А почему вы сегодня без медали? Очень подходящий случай для этого.

– Да, надеть медаль сюда – это в самый раз. Более того, у нас новая волна, в следующий раз у нас другой лауреат медали АНЦЭА будет выступать, Ирина Викторовна.

– Про это в конце.

– Да, хорошо. А третий лауреат этой медали Ростислав Капелюшников в данный момент, по-видимому, получает премию Гайдара за выдающиеся достижения в экономике. Сегодняшняя тема:

«Нужна ли России антимонопольная политика?» Участвуют: Светлана Борисовна Авдашева, заместитель директора Института анализа предприятий и рынков Высшей школы экономики; Вадим Витальевич Новиков, старший научный сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте. Пожалуйста, передаю ведение Александру Александровичу.

– Спасибо. Добрый день, уважаемые друзья. Как вы видите, нашим участникам сегодня не повезло, сегодня жестче модератор. Но думаю, что это правильно, потому что сегодня и диспут, я бы сказал, более радикальный и поляризованный, чем нередко бывает на наших заседаниях. Я напоминаю на всякий случай присутствующим порядок проведения диспута. Первой будет выступать Светлана Борисовна. Презентация занимает до 20 минут, не больше. После этого Вадим Витальевич имеет право задать два коротких вопроса Светлане Борисовне и получить два коротких ответа. После этого выступит Вадим Витальевич с презентацией, не более 20 минут, получит, я надеюсь, два коротких вопроса от Светланы Борисовны и даст два коротких ответа. Затем мы соберем вопросы со всего зала, с указанием, кому вопрос, и послушаем ответы обоих докладчиков уже в обратном порядке – первым будет Вадим Витальевич отвечать, а второй Светлана Борисовна. Потом все оставшееся до конца диспута время – а он, как известно, продолжается ровно два часа, то есть он закончится в 20 часов 13 минут, не позже, правильно? – мы поделим между людьми, которые желают выступить, тем самым определив регламент, но оставив, честно скажу, по минуте на то, чтобы в конце могли высказаться участники диспута, и 30 секунд Евсею Томовичу для объявления темы следующего диспута. Таков порядок нашей работы. Пожалуйста, Светлана Борисовна, ваше время пошло.

Выступление Светланы Авдашевой

– Спасибо большое, Сан Саныч, тогда я буду начинать. С вашего разрешения только я буду делать презентацию не сидя, а стоя, потому что мне, честно говоря, так легче. Итак, нужна ли России антимонопольная политика? На мой взгляд, ответ на этот вопрос должен складываться из ответов на несколько частных вопросов – как обычно, когда мы принимаем решение что-то делать. Вопрос первый. Есть ли проблема, которая требует своего решения? Вопрос второй. Какие варианты решения этой проблемы возможны в принципе? И третий вопрос можно задавать несколько по-разному. А именно: какие издержки и выгоды есть при использовании возможных альтернативных вариантов проблемы? Или хотя бы на этот вопрос можно ответить в его редуцированной форме: предложенный вариант обеспечивает ли положительное, желаемое для нас соотношение выгод от

его применения и издержек? И я предлагаю применить этот очень простой подход к антимонопольной политике. Вместо того чтобы говорить по ходу, какие же предпосылки моего анализа и как я модифицирую свои вопросы, я скажу об этом в начале. Итак, что же такое дать ответ на вопрос, существует ли проблема, требующая решения? На самом деле этот вопрос, в свою очередь, распадается на два. Есть ли в России ограничения конкуренции? Сознательные, я подчеркиваю. Не те ограничения конкуренции, которые от Бога, от технологий, от институциональных особенностей сделок – сознательные ограничения конкуренции. Есть ли потери от них? Второй вопрос. Вопрос о том, какие варианты решения проблемы существуют, может быть совершенно четко конкретизирован. А способен ли рынок сам справиться с ограничениями конкуренции без применения чего-то специального? И второй очень важный вопрос. Способны ли действия частных лиц без централизованного вмешательства, без вмешательства со стороны какого-либо органа – мы впоследствии назовем его антимонопольным – решить проблему? И наконец, третий вопрос, на который я хочу ответить: а все-таки есть ли свидетельство того, что применение антимонопольной политики приносит достаточные выигрыши, чтобы оправдать издержки на ее применение? При этом, как я уже сказала, есть несколько специальных вопросов, которые, на мой взгляд, связаны, конечно же, с основным, но отвечать на них было бы, на мой взгляд, некоторой ловушкой. Потому что мы можем уйти в обсуждение какой проблемы? Нужна ли антимонопольная политика именно России, то есть Россия – такая же страна, как другие, или мы совершенно особенные и нам нужно что-то другое – не мыть руки перед едой, не нужна антимонопольная политика, вакцинация от гриппа, брак и все на свете? Этот вопрос я пока предлагаю оставить за пределами нашей дискуссии. Второй вопрос. Существуют ли обстоятельства, которые делают антимонопольную политику в России более или менее востребованной? Этот вопрос, конечно же, в действительности лежит в центре политических дискуссий по поводу антимонопольной политики. Но и его я предлагаю пока оставить за скобками, несмотря на то, что этот вопрос действительно чрезвычайно важный. И наконец третий вопрос: российское антимонопольное законодательство подходит для решения тех задач, для достижения тех целей, которые стоят перед антимонопольной политикой, лучше или хуже, чем антимонопольное законодательство других стран? Вообще-то и третий вопрос я предлагаю сегодня оставить за рамками, в том числе потому, что я давала на него ответ неоднократно, и эти ответы содержатся в тех докладах, которые публиковала я и которые публиковала моя группа. И поэтому я буду исходить из трех пока что упрощающих предпосылок. Россия – обычная страна. Да, в России существуют обстоятельства, которые повышают спрос на применение антимонопольной политики, но мы пока обойдемся даже и без них. И мы будем говорить о тех нормах российского антимонопольного законодательства, которые универсальны для всех стран мира. А какие это нормы? Запрещать сговариваться о ценах, запрещать крупным компаниям ограничивать конкуренцию и не пускать на ры-

нок мелких, и осуществлять предварительный контроль слияний на предмет, не будут ли они способствовать формированию картелей или не дадут ли они возможности крупным компаниям не пускать на рынок мелких. Все, точка. Итак, вернемся к нашим базовым вопросам. Есть ли ограничение конкуренции? Это не вопрос дискуссии, это вопрос фактов: ограничение конкуренции, безусловно, в России есть. Есть дела типа «Московской энергосетевой компании», которая, несмотря на все усилия российских органов конкурентной политики, не предоставляет на справедливых условиях доступ к энергосети. Осуществляла она это фактически в сговоре с регулятором и с помощью целой сети аффилированных компаний. Вот один пример. Другой пример, которым сегодня я буду пользоваться. Исключающий договор «Балтики» с «Рексамом». «Рексам» – практически единственный производитель алюминиевых банок. В договоре с «Балтикой» такой сюжет: «Рексам» обязуется в течение какого-то периода не продавать никому алюминиевые банки емкостью 1 литр без согласования с компанией «Балтика». Это называется исключаящее условие договора. Есть ограничение конкуренции? Есть. Существуют многочисленные дела о сговоре поставщиков на рынке госзакупок. Мы договариваемся, что подаем заявки все вместе, но сегодня выигрываю я, завтра выигрываешь ты; либо сегодня выигрываю я, мы делим между собой деньги. Существуют многочисленные примеры сговора между участниками госзакупок и организаторами госзакупок: «Давай решим дело полюбовно, и мы поделимся с тобой». Это совершенно реальный пример – ограничение конкуренции, причем, я подчеркиваю, сознательное. И здесь идет речь только о том, что люди понимают, что они делают, и они понимают, что это нелегально. Далее. Есть ли потери общества от ограничения конкуренции? На самом деле, как нам известно, существует четыре механизма потерь общества от ограничения конкуренции. Это потери, связанные с так называемой аллокативной эффективностью, при данных затратах ценность становится выше. Это потери, связанные с так называемой производственной эффективностью, поскольку у того, кто не участвует в конкуренции, стимулы к снижению затрат ниже, он затраты не снижает, его затраты выше, и цены еще выше. Есть третий механизм возникновения потерь общества от монополии. Это снижение стимулов к инновациям. Те же самые уши, вид сбоку. Если у меня нет стимулов к снижению издержек, значит, у меня ниже стимулы к внедрению инноваций. И четвертый механизм, который в современной так называемой мейнстримовской теории считается не таким важным, а на самом деле тоже достаточно важный – ограничение конкуренции неразрывно связано с рентоориентированным поведением. Даже в тех примерах, которые мы приводили, значительная часть ограничений конкуренций возможна потому и только потому, что компании определенным образом взаимодействуют с регулятором – с государством, которое устанавливает правила, то есть с конкретным чиновником. Он помогает им ограничивать конкуренцию, они с ним делятся. Иногда говорят: «Вы знаете, какая разница? Деньги не пахнут. Это же вопрос не координации, а вопрос распределения денег. Деньги не

пахнут, какая разница, меньше досталось одним, больше другим. Сумма денег в экономике не изменилась». Это неправда. Это верно только в краткосрочном, мгновенном периоде, если полностью забыть о будущем. Потому что тем самым создаются очень четкие стимулы в экономике. Выгодно не работать, выгодно мешать работать другим. Ты получаешь тем больше денег, чем больше помех другим ты создаешь в работе. Вот четыре механизма, которые создают потери общества от монополий. Насколько велики эти потери? Мне очень легко делать мой доклад, я счастлива, потому что позавчера в газете «Ведомости» была опубликована статья, основанная на результатах исследования группы экспертов из Российской академии народного хозяйства и государственной службы. Я вижу, что еще копии этой статьи в том числе лежат в каком-то количестве и доступны. И что показывают результаты проведенного анализа? Что только в пяти секторах, которые были проанализированы исследовательской группой, потери общества от слабой конкуренции достигают 2,5% ВВП или скромной суммы в размере 1,3 триллиона рублей. Это на самом деле сопоставимо с объемом производства какой-нибудь отрасли обрабатывающей промышленности. Если металлургию вычистить. Это приблизительно в два раза меньше всего лишь, чем объем производства всей пищевой России, на секунду. Это очень скромная сумма, 1,3 триллиона рублей. Итак, я считаю, что на первый вопрос я ответила утвердительно. Да, проблема есть, и она стоит дорого. Второй вопрос. Как может решаться эта проблема? В действительности этот вопрос сводится к тому, кто заинтересован в предотвращении потерь общества от монополии настолько, что в состоянии понести издержки на информсмент запретов на ограничение конкуренции. Кто заинтересован? Кто несет потери от слабой конкуренции? Это, во-первых, покупатели. Специально подчеркиваю: покупатели почти всегда более разрознены, чем продавцы. Ограничение конкуренции, как правило, существует именно там, где покупатели разрознены. И продавцы, которые на рынок не вошли. С чем мы сталкиваемся? Продавцы, которые на рынок не вошли, ничего нам не скажут, потому что их нет. Разрозненные покупатели тоже особо нам ничего не скажут. Все вместе они, безусловно, заинтересованы в предотвращении ограничения конкуренции, но крайне редко они способны решить проблему коллективных действий, для того чтобы осуществлять частный информсмент. В результате, что я хочу подчеркнуть? В данном случае те проблемы, которые я назвала, называются проблемой коллективных действий в экономической теории, и проблема коллективных действий, как мне кажется, применительно к антимонопольной политике, это не раздел теории, в действительности проблема коллективных действия и лежит в основе моего положительного ответа на вопрос о том, почему же все-таки нужно антимонопольное законодательство. Итак, продавцы на рынках со слабой конкуренцией более консолидированы, чем разрозненные покупатели, соответственно, они способны осуществлять действия, выгодные им, в отличие от покупателей. Это, на мой взгляд, не просто вывод теории. Смотрите, с марта у нас идет разработка так называемой дорожной карты по развитию

конкуренции. Экспертов собирают, у нас идет разработка новой программы развития конкуренции, но при этом есть такая идея: предпринимательское сообщество должно разработать идеальные нормы по развитию конкуренции. Какое? Отраслевое. Ребята – укоренившиеся продавцы. «Газпром» нам разработает дорожную карту по развитию конкуренции в газовой отрасли! Пять баллов за сообразительность! Итак, на самом деле ничего, естественно, таким образом достигнуто не будет. А конкурентов «Газпрома» не так много, они, безусловно, разрознены. А покупатели услуг «Газпрома» тоже гораздо более разрознены, а их, вообще говоря, никто особо и не спрашивал, неважно. Итак, вот он ответ на вопрос, почему не получится без применения запретов сверху. Далее. Можно ли что-то сделать помимо применения антимонопольного законодательства, антимонопольных запретов? Да конечно можно. Но другие пути конкурентной политики не столько заменяют, на мой взгляд, но и дополняют, частично заменяют, частично дополняют применение антимонопольного законодательства. Например, общая политика по снижению барьера входа, о которой так много говорили народу большевики, но которая так и не состоялась. Это, безусловно, очень важный инструмент в том числе предотвращения сознательных ограничений конкуренции. Почему? Потому что чем несовершенство рынка ниже, как нам известно из теории, чем барьеры входа ниже, тем менее результативна для любого укоренившегося продавца стратегия ограничения конкуренции. И сговор тоже менее результативен. Что, если у нас барьеры входа низкие, ты повысил цену, привет, конкуренты уже тут. И с кем-то сговаривался – это на самом деле понятно, что можно все равно не поддерживать эту цену. Второй очень важный инструмент развития конкуренции в России – это действительно инфорсмент запретов на использование государства в качестве инструмента ограничения конкуренции. Потому что в учебнике мы прочитаем о том, что укоренившиеся компании имеют много способов ограничить конкуренцию. Там будет и цена, и избыточные мощности, и то, и се, и пятое, десятое. У нас в России все попроще: если ты хочешь ограничить конкуренцию, напиши технический регламент, в соответствии с которым единственная нормальная резина для шин – это твоя резина. И ты достигнешь своего результата. Я в данном случае могу только предложить по всем трем темам – по поводу технического регулирования, по поводу того, как в некоторых отраслях действуют организации саморегулирования, по поводу того, что конкуренцию могут ограничивать и действия органов исполнительной власти, которые в России обязаны реагировать на каждую жалобу, чего нет ни в одной стране мира – я по всем трем вопросам отсылаю к статьям Полины Крючковой. Решение всех этих проблем, безусловно, способствовало бы развитию конкуренции, но они, к сожалению, не всегда достаточны. И, наконец, третий вопрос – издержки и выгоды применения антимонопольного законодательства. Давайте посмотрим только на возможные издержки. Давайте приведем два примера, где попытаемся и издержки неприменения антимонопольного законодательства, и выгоды действия российского антимонопольного органа посчитать на пальчиках. Естественно, у меня нет расчетов, которые были бы на 100% достоверны, но, тем

не менее, их вполне можно использовать в качестве грубой оценки. Итак, договор между «Балтикой» и «Рексамом», о котором я рассказывала. На что нацелен этот договор? Чтобы в сегменте не только пива, но и других напитков, расфасованных по одному литру, когда очень хочется пить, в банке 1 литр можно было купить только «Балтику». Это понятно, для чего. Какие последствия обычно имеет такая практика? Стандарт оценки Министерства юстиции США говорит: это может привести к повышению цены больше-меньше, но мы считаем, наш стандарт – 1%. Мы считаем, что консервативная оценка повышения цены на 1% здесь совершенно подходит. Следовательно, если бы не действовал этот договор, если бы не было ограничения конкуренции, объем продаж мог бы быть выше на эту величину. Это оценка эластичности спроса на пиво, в соответствии с некой международной программой сопоставления. Следовательно, сколько потеряли потребители от того, что этот контракт применялся? Это 100 с некими копейками. Копейки связаны как раз с эластичностью спроса процентов от общих продаж пива. Что дает нам, вообще говоря, 623 миллиарда рублей. Пять старушек – уже рубль, как в известном анекдоте. То есть, вообще говоря, совершенно консервативные оценки потерь оказываются высокими. И чистые потери благосостояния – почти три миллиарда рублей, от, казалось бы, безобидной строчки в договоре. Далее. Посмотрим на действия антимонопольного органа. Там мы показали, что продолжали бы терять покупатели, если бы не раскрыли и не наказали организаторов, участников этого договора. А теперь что полезного сделал антимонопольный орган? Кейс очень старый, но, тем не менее, на мой взгляд, довольно убедительный. Высокая цена цемента душит российских строителей. И вот, наконец, ФАС долго этого добивался, и в начале 2008 года 5%-ная импортная пошлина на цемент была отменена. Я понимаю, что мне сейчас начнут говорить коллеги, 2008 год – это кризис. Кризис наступил в сентябре. Еще до сентября к маю цена цемента в России снизилась на 20% отнюдь не в пределах пошлины. Это, кстати, легко объяснимо. На самом деле всегда уход каких-то ограничений, конкуренты приходят на рынок, импортеры, оказывается, что им там хорошо, они продолжают импортировать. Поскольку цена снизилась на 20%, то посчитано: выигрыши покупателей цемента в том же 2008 году должны были составить почти 50 миллиардов рублей, при одном миллиарде выигрышей благосостояния. Поэтому ответ на все вопросы, которые я поставила, позволяет мне дать итоговый ответ на вопрос, нужна ли России антимонопольная политика: да, нужна. Все, спасибо.

– Спасибо. (*Аплодисменты.*) Пожалуйста, Вадим Витальевич, два ваших вопроса.

– Светлана Борисовна, я понимаю, что ответ на этот вопрос содержится в длинных докладах, но сегодня у нас другой формат и требуются краткие ответы, поэтому я хотел бы узнать, все-таки российское антимонопольное законодательство лучше или хуже справляется со своими задачами, чем законодательство других стран?

– И сразу второй вопрос, пожалуйста.

– Почему так происходит?

– Спасибо.

– Ой, очень хороший вопрос, спасибо большое, Вадим Витальевич. Российское антимонопольное законодательство хуже справляется, мне кажется, со своими базовыми задачами по сравнению с другими странами. А происходит так потому, что вместо того чтобы понимать, где основные выигрыши от твоих действий – добился снижения импортных тарифов – антимонопольный орган мог сесть курить бамбук весь год, и было бы славно, – антимонопольный орган пытается решить много частных вопросов, где иногда он в действительности не предотвращает ограничения конкуренции, а в силу так называемых ошибок первого рода, наказания невиновных, может даже усугублять проблемы конкуренции.

– Спасибо. Мы попросим тогда поменяться местами докладчиков, и сейчас наступит время Вадима Витальевича.

Выступление Вадима Новикова

– Добрый вечер, уважаемые коллеги. Прежде всего, я хотел бы поблагодарить Ассоциацию независимых центров экономического анализа за возможность сегодня выступить. Я считаю, что подобного рода разговоры имеют большое значение, я знаю это по себе. 11 лет назад 11 октября 2001 года я сам был участником одного научного семинара. На нем выступал Юрий Кузнецов из Института народнохозяйственного прогнозирования. И Юрий тогда меня убедил в том, что идея антимонопольного законодательства порочна, что порочна как с теоретической точки зрения, так и с точки

зрения этической. С той поры, с того самого дня моя собственная жизнь изменилась. Я забросил мои прежние занятия, до этого момента я в основном занимался вопросом намного более консенсусным, чем вопрос антитраста – я занимался темой экономической интеграции. Эти занятия были скоро закончены, и с той поры вот уже 11 лет я агитирую, убеждаю людей в том, что отказаться от антитраста было бы хорошей идеей. Я попробую сегодня сделать это с вами. Несмотря на то, что такова моя надежда, уверенности, конечно, в этом нет и быть не может. Совершенно понятно, что если бы это было возможно сделать за 20 минут, то, скорее всего, кто-то что-то подобное сделал бы уже до меня, или я бы сделал это за предшествующие 11 лет. Таким образом, свои шансы я оцениваю как не чрезмерно высокие. Но, тем не менее, по крайней мере, я постараюсь быть понятным. Я, как и все вы, учился по тем же самым учебникам. В этих учебниках по экономике были модели сложные, но бывали и модели легкие. Я думаю, что большинство из тех, кто не занимается антимонопольным законодательством каждый день, вспоминает не какие-то сложные навороченные штуки, а вспоминает что-то похожее на треугольник Харбергера. Глядя на треугольник Харбергера, экономист что воображает? Он видит, с одной стороны, что, действительно, может существовать проблема, которая требует решения. Он видит, что монополисты сдвигают нас из прекрасного мира, из точки «Е» с соответствующей ценой и объемом в точку менее благоприятную, в точку «А». Таким образом монополисты, в силу своей этой алчности, делают нас беднее. Какова же роль антитраста? А антитраст возвращает нас из точки «Е» в точку «А» и делает нас богаче. Обратите внимание, на самом-то деле мы, поддерживающие антитраст, движимы теми же самыми мотивами, что и монополисты – эгоистичными, корыстными мотивами, мы хотим обогатиться благодаря антитрасту. Совершенно неслучайно. Здесь, к сожалению, этот треугольничек выводится зелененьким, но, поверьте мне, я делал все, чтобы это было похоже на известный презренный металл. Итак, какая у нас история в пользу антитраста. Монополии вредят экономике, дальше антимонопольщики предотвращают этот вред. Для того чтобы судить о том, хорош антитраст или плох и нужен нам или нет, на что нам нужно посмотреть? Нам нужно посмотреть на выгоды и издержки. В конечном счете, важен результат, bottom line, какая-то последняя строчка в отчете о прибылях и убытках. Вот, собственно говоря, какова история. Коллеги, я хотел бы обратить внимание на то, что все эти картинки или треугольники мы, экономисты, обычно привыкли называть словом «модель», но есть более общеупотребимое слово, это слово метафора. Когда мы что-то такое рисуем, когда мы рисуем линии, когда мы рисуем треугольники, мы имеем в виду, что то, что происходит на рынках, то, что происходит в действительности, имеет некоторое сходство с этими линиями и с этими треугольниками. Поймите меня правильно, я совершенно не против метафор. Метафоры, в том числе, в экономике, иногда делают наше понимание более глубоким. Например, метафора человеческого капитала, уподобляющего человеческие знания, умения, навыки станкам и другим факто-

рам производства. Действительно, эта метафора делает нас богаче. Но таково свойство не всех метафор. Метафоры иногда подходят, иногда не подходят. Таким образом, вопрос таков: а в чем недостатки метафор того рода, что я сейчас вам показал? Один из недостатков этой метафоры состоит в том, что она представляет конкуренцию как нечто одномерное, тогда как в реальности конкуренция имеет множество измерений, она может быть ценовая и неценовая, статическая и динамическая. С момента принятия Акта Шермана прошло больше, чем сто лет. На столетие принятия этого акта известный экономист Гарольд Демсец держал речь, и он сказал: «Мы должны признать, что у нас еще, то есть спустя сто лет, нет полезного для антимонопольных целей понимания конкуренции». Речь, конечно же, не о том, что нет никаких теорий. Речь идет как раз о том, что конкуренция вещь многомерная, что она – как такой резиновый шар, когда мы сдавливаем воздушный шарик в одном месте, она начинает выпирать в другом месте. Ограниченная в одном месте, она увеличивается в другом. И то, чего не хватает нам для того, чтобы мы знали, что имеем какой-то полезный инструментарий для этих разговоров, это то, что у нас нет представления, нет идеала оптимального сочетания форм конкуренции. Таким образом, в отличие от картинки, мы, на самом-то деле, не имеем твердой возможности знать, когда мы становимся беднее, а когда нет. Но вообще-то я не собираюсь так долго говорить о теории, как 11 лет назад говорил мой теперешний друг Юрий, я собираюсь побольше поговорить о практике. Дело в том, что последние два года я занимаюсь преимущественно подготовкой антимонопольных экспертиз для судебных разбирательств, и, как мне кажется, это сюжет еще более интересный, чем все, что можно вычитать в книжках. Перефразируя известную пословицу, можно сказать, что тем, кто уважает антимонопольные законы, лучше не знать, как они применяются. Собственно, всего лишь познакомлю вас с двумя делами. Многие считают, что есть, по крайней мере, один пункт жесткого консенсуса: если с чем-то надо бороться, то, пожалуй, бороться нужно с картелями. Вот одно из дел, в котором я участвовал. Здесь крупных ритейлеров – крупных, впрочем, не означает, обладающих сколь-нибудь большой рыночной долей – обвиняли в сговоре на рынке гречневой крупы. Помните все эти сюжеты двухлетней давности. По большому счету, все, что антимонопольные органы выставляли против ритейлеров в этом деле, состояло: признаком сговора было то, что все ритейлеры в этот промежуток времени в Казани устанавливали наценку в процентах. Антимонопольщики признавали, что цену в каком-нибудь другом смысле ритейлеры не поднимали, но наценка была неизменной, и благодаря этому при росте входной цены повышается и цена розничная. Я думаю, что вы согласитесь со мной, что это сходство довольно поверхностное, причем этот случай заставляет глубоко задуматься, а почему антимонопольные органы обвинили кампанию именно гречки. Например, одна из обвиняемых компаний, это магазин «Магнит». У «Магнита» 5 тысяч магазинов, только 40 с чем-то из них находятся в Казани. Гречка составляет 0,001 от оборота этой компании. Так вот, правда состоит в том, что «Магнит», впрочем, как и все остальные ритейлеры, устанавливает наценку в процентах не только на

гречку, но и на все остальные товары, не только в Казани, но и во всех остальных местах. И если уж честно, не только в те несколько летних месяцев 2010 года, но так он делал всегда и делает до сих пор. Вот другое дело, опять сговор. Это дело уже торговцев бытовой техникой. Здесь антимонопольщики опять нашли сговор, руководствуясь, в основном, такого рода соображениями. То есть они взяли пачку договоров, загрузили все это в компьютер, в режиме (...) (36:05) посмотрели, оказывается, что есть некоторое сходство. Оказывается, что у всех компаний, не означает, что в каждом договоре, но время от времени, бывают скидки на поставляемый товар, все товары иногда пользуются товарными кредитами, она же – отсрочка платежа. Все уже смеются. Обратите внимание, «и т.д.» не означает, что я сократил список. «И т.д.» – это часть обвинения. Компании виноваты в том, что у них в договорах было вот это первое, второе, третье, четвертое и т.д. Поставьте себя на место компании, которая пытается учесть это нарушение, больше не грешить. Как вы считаете, как бы компания это могла сделать? Я понимаю, что на каждый случай глупого, плохого, вредного для экономики правоприменения всегда кто-то может вообразить другой пример, где антимонопольное законодательство помогло или, по крайней мере, могло бы помочь. Собственно говоря, в этом опасность обсуждения случаев. Опасность состоит вот в чем, нужно понимать, что наличие в лотерее выигрышных билетов совершенно не является аргументом в пользу того, что нужно выкупать весь тираж. А именно об этом в реальности идет речь. Нам предлагают поддержать, когда говорят, что «мы за антимонопольные законы», не несколько хороших случаев, нам предлагают выкупить весь тираж. Поэтому от уровня обсуждения каких-то кейсов, конечно, нужно переходить к каким-то более широким обобщениям. Что показывают широкие обобщения? Широкие обобщения показывают, что мои заказчики, компании, как правило, крупные, хотя при этом, подчеркиваю, не могущие влиять на рынок, что эти случаи глубоко нетипичные, что типичным является совсем другое. Вот статья недавнего начальника управления промышленности ФАС Алексея Ульянова. Алексей пишет: «Однако со временем многочисленный аппарат ФАС направил всю свою энергию на борьбу исключительно со средним российским бизнесом». Алексей написал слова «со временем», я думаю, только по одной причине, что он до этого не был знаком со старыми работами 1995 года Максима Бойко и Андрея Шлейфера, который описывал историю зарождения российского антитраста. Так вот, о чем пишут Бойко и Шлейфер, они пишут что «комитет не сделал ничего по поводу реальных проблем розничных силы, однако занимался осложнением жизни малого бизнеса». Таким образом, то, что Алексей, работавший в ФАС некоторое количество лет, счел явлением приходящим, по всей видимости, является вещью довольно постоянной. Здесь возникает вопрос, почему так происходит? Тот же Бойко и Шлейфер дают для себя какой-то ответ на этот вопрос, ответ состоит примерно в следующем. Они говорят, что в развивающихся странах нужно не столько же регулирование как в развитых, не большее регулирование, нужно меньшее регулирование. Они говорят, что как только государство отвлечется от каких-то фундаментальных основополагающих тем, вроде защиты прав

собственности, создания нормальных судов, любое регулирование будет наверняка извращено. И именно антимонопольное регулирование, и это случай с российским антимонопольным органом. В своей уже недавней статье в (...) (39:47) эти товарищи объявляют самую, пожалуй, лучшую иллюстрацию того, почему развивающимся странам не надо следовать развитым. Но, поговорив об этом, можно обратиться тогда к практике, которая кажется более удачной. Можно считать, что то, что происходит в России – это какое-то искривление или искажение, что все может быть намного лучше. Вот результаты исследования (...) (40:21). Авторы составили жесткость антимонопольных законов и посмотрели, как антимонопольные законы влияют на то, на что многим из нас кажется, что законы, в конечном счете, должны влиять. Я не имею в виду, что должны влиять непосредственно, но в конечном счете, как раз повышая эту самую производственную эффективность и аллокативную эффективность. Короткий ответ состоит в том, что влияния нет. Почему же так происходит? Вообще, понятно, кроме злокозненности бюрократов, кроме неправильных стимулов, есть и другая причина, и она фундаментально действует в любой стране – это склонность или способность человека ошибаться. Люди ошибаются. Не так давно Американская юридическая ассоциация провела опрос экономистов. Она спросила: «Как вы считаете, судьи вообще понимаю экономическое существо дела?» Вот каковы были ответы. Итак, 24% экономистов считают, что судьи часто понимают экономическую суть дела, как правило, понимают; 29% говорят «это бывает часто»; 38% говорят «иногда случается»; и 5% считают, что это происходит редко. Вот результаты другого исследования. Авторы взяли популярный и, в общем-то говоря, хорошо относящийся к антитрасту учебник Тироля, посмотрели в подстрочнике дела, на которые ссылается, дальше пошли в рецензируемые журналы и посмотрели, что же пишут экономисты по поводу этих работ. Вот каков расклад. По мнению экономистов 48% дел было разрешено верно, 52% дел было разрешено неверно. Вообще говоря, это, конечно, дает такой легкий повод похихикать. Потому что примерно такие же результаты, и без всяких накладных расходов, мы могли бы получить, просто бросая монету. 50% – это просто катастрофа. Я надеюсь, что я, по крайней мере, привел некоторые доводы в пользу того, что выгода от антитраста неочевидна ни в России, ни где бы то ни было еще, но что же в этом деле является очевидным? Очевидным в этом деле является то, что антитраст ограничивает или, я предпочел бы сказать, нарушает права собственности, размывает в силу своей неопределенности, опять же, у нас и в США верховенство права. То есть те самые базовые институты, которых в нашей стране не хватает, пожалуй, больше всего. Недавняя работа Дейдра Макклоски, по крайней мере, для меня, показала, что вот эта традиционная экономика сбережений и прочих вещей не в состоянии объяснить того, что требует объяснения – это современный экономический рост. Это ответ на вопрос, почему на протяжении столетий и тысячелетий люди жили примерно одинаково, примерно на 3 доллара в день, а за последние несколько столетий все изменилось. Ответ Макклоски состоит вот в

чем. В том, что изменился способ мышления, изменилось уважение, появились две вещи фундаментальные. Стало больше свободы, но даже это вторично. В средневековой Европе государство не очень сильно занималось мироменеджментом, регулированием, аллокативной эффективностью. Самое главное, что изменилось уважение к бюргерам, предпринимателям и к их занятиям. Я считаю, что и поддержка антимонопольных законов, и антимонопольного правоприменения, и даже всего лишь словестная поддержка ставит под угрозу эти ценности, причем в той стране, где это по настоящему опасно. Мы можем говорить спокойно об антитрасте в Соединенных Штатах Америки, где люди не сомневаются в важности прав собственности и не сомневаются в необходимости верховенства права, могут, наверное, скрепя сердцем, согласиться на какие-то отклонения, что есть какие-то ужасающие случаи, где нам нужно вмешаться. Здесь так, очевидно, не будет. Посмотрите недавний опрос ВЦИОМ. Какие профессии вы считаете наиболее престижными? Наиболее престижная профессия в нашей стране – это юрист, адвокат и прокурор. Там, где-то тоже вверху списка – экономисты вроде нас и финансисты. И где-то совсем глубоко внизу – предприниматели и бизнесмены. То есть до той поры, пока эта шкала координат не изменится, я думаю, что о настоящем экономическом продвижении говорить невозможно. Причем о том же самом говорят и некоторые экономические исследования. Вот доклад Шаститко, который сегодня несколько раз упоминался, я был автором одной из частей, которая касалась импортных пошлин, и мне, понятно, как (...) (45:31), было интересно посмотреть, а что же делают соседи. Соседи написали, там оказалось, что есть две работы, которые свидетельствуют о том, что антитраст помогает инновациям. Я читал все эти работы. Вот сведения из первой работы: «Оказывается, антитраст не имеет большого значения, что в регрессе вся значимость исчезает, как только мы поставим туда институты». Поверьте мне, что прочитав вторую работу, вы придете примерно к тем же самым выводам. Наконец, последнее замечание, чего не хватает в этой метафоре, чего не хватает в этом треугольнике. Когда мы глядим на треугольник, это просто передвижение с точки на точку. Передвижение с точки на точку не ставит перед нами никаких этических проблем, реальная жизнь ставит. Потому что о чем мы говорим? Мы говорим о штрафах, мы говорим о тюрьмах по отношению к людям, которые, на самом-то деле, не приносят нам никакого зла, а приносят нам всего лишь недостаточное добро. Зло монополистов не в том, что они что-то у нас отнимают, а в том, что они продают что-то, что принадлежит им на не столь выгодных условиях, как нам это хотелось бы. Сажать в тюрьмы или выписывать штрафы всего лишь за недостаточное добро, мне кажется, это слишком жестко. Итак, три моих тезиса. Антитраст этически сомнителен, при этом мы идем на сомнительный поступок в ситуации, когда его польза не доказана. И, кроме того, я считаю и, видимо, в этом есть мое самое серьезное расхождение со Светланой Борисовной, что я не верю в то, что в России в нынешнем положении может быть нормальный антитраст.

– Спасибо. Спасибо, Вадим Витальевич. (*Аплодисменты.*) Уважаемые коллеги, за время выступления Вадима Витальевича в зале появился первый президент АНЦЭА Леонид Маркович Григорьев. Второй и третий президенты приветствуют вас! (*Аплодисменты.*) Итак, Светлана Борисовна, ваши вопросы к Вадиму Витальевичу.

– Вадим Витальевич, два вопроса. Два вопроса. Первый вопрос очень простой. Монополия, монополисты и ограничение конкуренции – это одинаковые понятия или разные? И второй вопрос, вы сказали совершенно обоснованно, что вы – один из соавторов доклада, где вы призываете к снижению импортных пошлин. Тем самым не размываете ли вы права собственности тех, кто продает в России импортную продукцию по более высоким ценам? Спасибо.

– Первое, я не отождествляю монополию и конкуренцию, хотя там более длинный ответ потребовал бы, видимо, довольно много времени. Что касается импортных пошлин, нарушение прав собственности для меня – это вещь довольно буквальная: у тебя что-то разрушили, у тебя что-то отняли. Здесь всего лишь нарушены ожидания. И ожидания, как мне кажется, как я считаю, нелегитимные.

– Спасибо.

– Спасибо, спасибо. Так, приступаем к сбору вопросов. Пожалуйста, Артем.

Сессия вопросов

– Мне уже один вопрос поступил.

– У нас вопросы озвучиваются для записи. Поэтому мы просто попросим человека поднять руку и еще раз повторить. Давайте начнем с того края, он оказался активнее. Только, пожалуйста, все, кто хочет задать нам вопрос, сразу руку. Называйте себя. Спасибо.

– Павина Валентина, экономический факультет. Первый вопрос к Вадиму. А вам не кажется, что низкий престиж предпринимательской деятельности, приведенный в вашей шкале ценностей, обусловлен именно засилием монополистов в нашей экономике? И поэтому бедным мелким и средним в этих условиях работать невозможно. И вопрос к Светлане Борисовне. Мы на нашем веку, последние буквально пять-семь лет, видим, что после выхода второго антимонопольного закона существенно изменились финансовые санкции, и вообще существенно расширился перечень инструментов воздействия на монополистов. Но, к сожалению, еще пока далеко от идеала. В этой связи вопрос к вам, скажите, пожалуйста, какие законодательные изменения, с вашей точки зрения, необходимы для того, чтобы этот перечень инструментов воздействия на монополистов был и эффективным, и результативным, то есть и удобным, и применимым, и результативным? Спасибо.

– Пожалуйста.

– У меня к обоим докладчикам.

– Будьте любезны, представляйтесь, пожалуйста, для записи.

– Да, Волконский, Институт народнохозяйственного прогнозирования. У меня к обоим докладчикам вопрос такой, во-первых, как вы относитесь к теории, которая, в основном, с Гэлбрейтом, я считаю, связана, и в которой говорится о том, что сложное производство требует со стороны фирм контроля над рынком и, например, поставщиков над рынком?

– Спасибо. Спасибо. Спасибо, присаживайтесь.

– Спасибо.

– Александр Александрович!

– Какой там вопрос? Я прошу извинить. Сначала в той части.

– Шаститко, МГУ и Академия народного хозяйства. Вопрос Новикову. Считаете ли вы, что существуют экономические основания для исключений из принципа свободы договора, если исходить из того, что этот принцип взаимен? Первый вопрос. И второй вопрос, знаете ли вы, каким образом аргументировал классик современного неоавстризма Мюррей Ротбардт, почему теория картелей не имеет значения? И как вы относитесь к тезису о том, что эластичность спроса не является проблемой с точки зрения потребителей? И теперь два вопроса к Светлане Борисовне.

– Вообще, Андрей Евгеньевич, у нас у человека есть право на два вопроса.

– Тогда Светлане Борисовне не буду задавать вопросы.

– Второй вопрос, да.

– Второй вопрос я хочу задать. Связываете ли вы проблематику антимонопольной деятельности с возможностью или необходимостью регулирования со стороны государства отраслевой структуры – отраслевой структуры производства, отраслевой структуры цен – то есть мы знаем, что те же самые уровни прибыли, рентабельности, прежде всего, дифференцированы между отраслями, а не внутри отраслей?

– Здесь ко мне вопрос?

– Это к обоим.

– Большое спасибо. Пожалуйста, сюда. Пожалуйста.

– У меня вопрос к Светлане Авдашевой.

– Представляйтесь, пожалуйста.

– Тамара Николаевна Юдина, ФГУ МГО. Вопрос к Светлане Авдашевой. Как вы оцениваете эффективность нынешнего законодательства, это в продолжение вопроса Павиной Валентины, нынешнее законодательство? И далее, меня интересует, нынешняя трактовка монополии, в соответствии с нашим законодательством, вас устраивает? Что бы вы, как ученый и тот человек, который изучает проблемы предприятий и рынков, сегодня могли бы позиционировать монополию? И потом, по поводу естественных монополий, могли бы вы что-то свое добавить к нынешнему, что есть в теории и в практике?

– Прошу прощения, два вопроса.

– Спасибо.

– Это, видимо, был уже третий. Так, пожалуйста. Сейчас-сейчас, Кемер Борисович.

– Иван (...) (54:30), Высшая школа экономики. Были несколько примеров разных кейсов, если позволите, вопрос задам докладчику, как вы бы оценили политику ФАС в отношении наших нефтяных компаний? Спасибо.

– Пожалуйста, Кемер Борисович. Кемер Борисович, представляйтесь.

– Норкин Кемер Борисович, Институт проблем управления. У меня к Светлане Борисовне вопрос. Не считаете ли вы, что в деятельности профсоюзов есть элементы злоупотребления монопольным положением на рынке труда и не нужно ли как-то это дело корректировать? Первый вопрос. Теперь второй вопрос к Вадиму Витальевичу. Значит, Вадим Витальевич, трасты, не трасты, это, как говорится, спорить, хорошо с ними бороться или плохо с ними бороться. Но как вы считаете, нужно ли бороться со злоупотреблениями монопольным положением на рынке? Потому что я сейчас отстал от этих монопольных дел, но лет восемь назад я этим занимался, и я обнаружил, например, что «Intel» была фактически монополией. Но никто к ней не предъявлял претензий в связи со злоупотреблением монопольным положением на рынке, потому что она повышала эффективность и не злоупотребляла монопольным положением.

– Спасибо. Спасибо. Так, здесь закончили вопросы, да? Пожалуйста, прошу вас.

– Анатолий Левенчук, «TechInvestLab». У меня оба вопроса одинаковых, но я их тогда выстрелю в каждого. А как вы умудрились оба, используя разные примеры из жизни государства, и пошлины, и «Газпром», и все такое, и оба про естественные монополии ничего не сказать? Как вы считаете, может, в каком-то другом месте в России надо покупать или не в России, а везде? Что вы вообще думаете о естественных монополиях? Других-то уже нет.

– Спасибо. Пожалуйста, здесь.

– (...) (56:49) Алексей, (...). Вадим Витальевич, скажите, пожалуйста, не считаете ли вы, что условная эффективность антимонопольного регулирования является следствием скорее нежелания либо недостаточности судебного регулирования? То дело, которое вы привели в качестве примера, это сговор на рынке бытовой техники, являлось следствием реакции на постановление президиума по так называемому делу (...) (57:21), где был установлен сговор в сфере продовольственного ритейла, где Высший арбитражный суд сделал довольно-таки неоднозначные выводы, которые, собственно, и были положены антимонопольным органом в основу своего обвинения. Все.

– Спасибо. Так, пожалуйста, прошу. А вот там сразу, сзади, давайте.

– Все, извините, там уже прошло.

– (...) (57:45) Андрей, студент Высшей школы экономики. У меня вопрос к Вадиму Витальевичу. Правильно я вашу модель, соответственно, с графиком понимаю, что у вас такая философия, можно так сказать, что государство должно не максимизировать, получается, благосостояние всего общества, а не отбирать что-либо у отдельных его индивидов? Первый вопрос. Вопрос Светлане Борисовне. Вы вначале самом говорили про то, что мы будем считать, что Россия ничем не отличается от иностранных государств, соответственно, приводите примеры только российские, то есть ВВП 2,5%, вы все про Россию да про Россию. А можете привести ли вы какие-нибудь хоть примеры из других государств?

– Так, пожалуйста.

– Герасимова, ЦЭМИ РАН. Я хотела бы задать свои два вопроса обоим докладчикам, буду благодарна, если посчитает кто-то возможным ответить. Первый вопрос. Я хотела бы уточнить. У нас, я не специалист в этой области, говорят о крупном, среднем и малом бизнесе. У меня сложилось впечатление, что первый уважаемый докладчик говорил о крупном бизнесе, а второй не менее уважаемый докладчик говорил о среднем бизнесе. Уточните, пожалуйста, объект ваших исследований. Он одинаковый или разный? И второй вопрос. Статистика показывает, что в доходах населения доли доходов от предпринимательской деятельности монотонно падают с 1995 года. Она сделала громадный скачок, а сейчас составляет менее 10%, и падает, несмотря ни на какие взлеты и падения. Как-то оказывает антимонопольная или монополярная, или антитрастовская политика на этот весьма негативный момент?

– Спасибо. Герасименко, МГУ. У меня вопрос к уважаемому Вадиму Витальевичу. Можно попросить вас конкретизировать основной пафос вашего выступления? Вы считаете необходимым либо ликвидировать этот неграмотный антитраст и ФАС, и ввергнуть предпринимательство обратно в пучину 90-х? Или вариант другой – есть некая концепция такого белого и пушистого антитраста, который будет поощрять монополии инноватора? Спасибо.

– 90-х какого года?

– Первоначальных.

– 19 век у нас. Нам нужно, Леонид Абрамович, очень мы помним хорошо.

– Коваленко Александр. У меня вопросы к обоим. Первый вопрос: а есть ли понимание того, какие потери для благосостояния от тех самых ошибок первого и второго рода в государственном регулировании? И вопрос больше к Вадиму: вы против антитраста или вообще эти вот пороки в государственном управлении, в государственном регулировании, в судебной системе как таковой? Как вы отделяете антитраст от остального государственного регулирования? Там и техническое регулирование, и так далее, много чего еще. Может, тогда сразу все это тоже там как-нибудь? То есть критикуя, предлагай. Что вы предлагаете, в конце концов?

– Я позволю себе то, с чем жестко борюсь, когда выступаю как модератор, включив в вопрос высказывание. Мне кажется, что у нас сегодня...

– Так а я с этим буду бороться.

– Да. У нас сегодня, с одной стороны, ситуация, которой нам не часто удастся добиться, когда у участников действительно поляризованные взгляды. Но парадоксально, несмотря на это, мне кажется, что оба по-своему правы. Потому что, по моим наблюдениям, в экономике со слабыми институтами мы постоянно сталкиваемся с ситуацией, когда приходится выбирать из двух плохих вариантов и приходится оценивать, какой из двух менее хуже. Значит, вот для примера. Светлана Борисовна упоминала как пример ограничение конкуренции в госзакупке. Там цену вопроса оценивают тоже в 1 триллион рублей. То есть это еще 2,5% ВВП добавляется, ну 2% ВВП добавляется к этим 2,5. Но 94-й ФЗ – нельзя сказать, чтобы улучшил ситуацию. Так вот, на этом примере может ли кто-то из докладчиков предложить очевидный, для решения очевидной задачи, конкретный

путь, который бы помог в решении?

– Только я хотел прервать. Вопрос? Но про 94-й ФЗ, конечно, можно. Спасибо. Коллеги, все, мы завершили сбор вопросов, начинаем сбор ответов. Итак, у нас начинается теперь Вадим Витальевич. Коллеги, огромная просьба – отвечать кратко. Я понимаю, что вопросов много, просто хочется оставить время на дискуссию. Спасибо. Прошу, Вадим Витальевич.

Ответы Вадима Новикова

– Я тогда начну с вопроса про 94-й ФЗ, потому что мне кажется, 94-й ФЗ показывает, что у нас неправильно из антитрастовой философии экономического регулирования. Проблема 94-го ФЗ состоит в том, что его главная задача – негативная, отрицательная. Авторы этого закона стараются, чтобы чиновники что-то не украли. Между тем, реальная цель подобных законов должна быть – помочь государству сделать хорошую закупку. Думают о страхах, думают о рисках, не думают о положительном результате. С антитрастом проблема ровно та же самая. У нас есть страх: а вдруг монополист может с нас взять какую-то немножко большую цену? Вдруг он придет... Как пример настоящего зла приводится такое. В небольшой городок, в небольшую деревеньку приходит Интернет-провайдер, назначает высокую цену. Но, друзья, разве это зло? Самое большое зло – он всего лишь торгует не так, как вам выгодно, но между тем, он приносит добро. И вот этот страх рисков, ошибок и так далее, заставляет нас забывать о том, что есть вопросы более существенные, это вопрос приумножения богатства, установления тех ценностей, которые нас сделают богатыми. Мне здесь как раз теперь уже легко перейти и к роли государства, и к ответу на следующий ряд вопросов. Роль государства, правильно сказал Анатолий Левенчук, как минимум, чтобы государство у нас... или как правильно спросил Андрей, чтобы государство, как минимум, у нас что-то не отнимало. Но эта задача для меня чуть-чуть недостаточно амбициозная. Амбициозная задача, она остается такой сейчас, состоит не просто в том, чтобы полицейские не насиловали в участках или чтоб государство у нас не отнимало, – а вообще хочется, чтобы государство охраняло права граждан, в том числе право собственности, в том числе свободу договора. Несколько вопросов я услышал про возможные ограничения свободы договора, про сложное регулирование сложных случаев. Извините, я забыл, как вас зовут. Андрей Евгеньевич спрашивал про свободу договора. Анатолий Игоревич спрашивал про естественные монополии. Мне не кажется, что было бы по-настоящему удачно разбирать каждый из этих случаев по отдельности, скажу то, что мне кажется важным. Я не считаю, что свобода договора или права собственности являются такой вещью, которой никогда нельзя поступиться. Классический пример. Оказывается, что жена умирает, и единственный способ ее спасти – это взломать витрину в соседней аптеке и взять лекарства. Конечно же, я это сделаю. Но нужно всегда

понимать, в какого рода случаях ты отклоняешься от нормального курса, от нормального для этой ситуации поведения. Сейчас, следующая часть ответа состоит в том, что эти сложные случаи интересно было бы обсуждать, но в совершенно другой стране и в совершенно других обстоятельствах – в тех обстоятельствах, когда понятно, что является правилом, и дальше можно обсудить несколько сложных случаев и подумать, что делать в этих сложных случаях. Вот мне один из клиентов как-то прислал, показал апелляционную жалобу. Апелляционная жалоба состояла на половину из капслова, и половина из этого капслова заодно была выделена, там все это было выделено жирным шрифтом. Я советуюсь с людьми в «Facebook», спрашиваю: «Друзья, скажите мне, куда просто ткнуть пальцами, что так нельзя, что капслок – это зло?» Мне тонкие стилисты пишут, что капслок иногда обоснован. Друзья, я понимаю, что капслок иногда обоснован. Но я даже не хочу намекать, давать легкую возможность подумать, что так когда-нибудь в принципе можно писать. Потому что, если у тебя половина текста написано капслом и еще половина из него выделена, то сейчас не стоит задача обсуждения сложных случаев, когда именно капслок или что-то другое будет уместно. Давайте выучим правила и потом поработаем с исключением. Вопрос про Ротбарда. Это глупо отрицать, я много чему учился у Ротбарда, и многое из того, что он написал, мне кажется полезным, но недостаток или ошибка того, что там написано, – что там Ротбард, как и многие другие, рассматривает интересные возможности, вот эти самые отдельные билеты из лотереи, как оно может быть. Действительно, и картель в какой-то ситуации может не приводить к уменьшению благосостояния. Но то, что важно на самом деле, по крайней мере, при принятии практических решений, это рассмотрение не интересных возможностей, а в типичных случаях, закономерно. Недостаток того, что писал Ротбард, это недостаточный интерес, хотя у него был интерес к другим частям экономической истории, вроде истории Великой депрессии, там он внес большой вклад. В антитрасте, мне кажется, что его труды сильно бы выиграли, если бы он посмотрел на то, как это применяется на самом деле. Следующий вопрос, отвечу коротко. Про то, кто роняет престиж предпринимателя. Есть предположение, что роняют монополисты. Весной этого года «Фонд общественного мнения» проводил социологический опрос, у людей как раз спрашивали: «Какие отрасли вы считаете самыми конкурентными?» Расклад совершенно однозначный. У нас на самой вершине списка находится розничная торговля, производство продовольствия и ряд подобных секторов. Самые монополизированные сектора – это, напротив, вот то, что вы все подумали, – ЖКХ, перевозки и прочие другие вещи. То есть, если даже допустить – а я в это не верю, – если даже допустить, что престиж предпринимательства невысок вследствие монополизма, то источником этого являются компании, которые в основном, так или иначе, контролируются государством в совершенно другом режиме, чем режим антимонопольного регулирования. Был вопрос у Алексея Костоварова про роль судебного регулирования, про неудачные решения ВАС. С одной стороны, это верно, но мне кажется, что это просто не первопричина, не главная проблема. Вот помните, как недавно министр внутренних

дел говорил о том, что милиция – это всего лишь часть общества. Высший арбитражный суд – тоже всего лишь часть общества, нашего российского общества, которое не всегда знает экономику. Вы помните, даже в более благоприятных обстоятельствах это знание у судей остается всего лишь желательным. И это суд, который разделяет многие антипредпринимательские убеждения, которые характерны для людей в целом. Вот в аудитории прямо передо мной сидит Артем Карапетов, написал целый двухтомник как раз про свободу договора, про возможные исключения из этого принципа. Мне кажется, что показательно, когда я прочитал эту книжку, в которой Артем подробно разбирает разные основания для ограничения свободы договора, мне кажется, что самая трагическая часть того, что происходит с нами, – что вот этих исключений в нашей в реальной российской практике стало настолько много, из общего правила, которое вывешено в Гражданском кодексе, если я не ошибаюсь, поправьте меня, статья 2, где написано – вот, свобода договора. Есть некий принцип, но сейчас количество исключений уже настолько велико, что приходится писать книжку, чтобы обсуждать не исключения, а чтобы теперь уже отстоять правила. Вот именно эта ситуация и является апофеозом, и это является моей главной целью – изменить нынешнюю ситуацию на такую, когда можно поговорить будет об исключениях и о сложных случаях.

– Спасибо, Вадим Витальевич. Пожалуйста, Светлана Борисовна, ваши ответы на вопросы.

Ответы Светланы Авдашевой

– Спасибо большое. Правда, я буду отвечать не совсем в том порядке, с вашего разрешения, как вопросы были мне заданы. Но очень много было вопросов о моем отношении к проблемам естественных монополий, антимонопольной политики и регулирования. Вот здесь, как мне кажется, мы, профессиональные экономисты, должны все-таки следовать тонким дистинкциям, хотя, конечно, это противоречит некоторым... это и не укладывается в идею объяснить, ну то есть идею работать доступно. Существует принципиальная разница между антимонопольной политикой и антимонопольными запретами, и регулированием естественных монополий. Антимонопольные запреты есть запрещенные виды деятельности. Нельзя сговариваться о ценах – это антимонопольный запрет, за это штраф. Вот этот вот антимонопольный запрет по отношению к естественным монополиям, конечно же, этого абсолютно недостаточно. Именно поэтому по отношению к естественным монополиям, то, что применяется, называется регулированием, то есть предписанием им правил заключения договоров, правил назначения цен. Они могут быть лучше, они могут быть хуже, но это именно правила, как делать. Антимонопольные запреты – это как не делать, это совершенно другой инструмент. И спасибо большое всем коллегам, которые задали мне вопросы о естественных монополиях, почему это я о них забыла? Да, безусловно, многие проблемы, стоящие

перед антимонопольным законодательством российским просто бы исчезли, если бы у нас нормально применялись даже уже разработанные нормы о регулировании естественных монополий. На секунду, коллеги, у нас совершенно отсутствует механизм разрешения конфликтов между укоренившимися продавцами в естественно-монопольных отраслях, и новичками. Там по поводу присоединения, по поводу доступа к сети. Это на самом деле практически в очень небольшом числе стран входит в задачи именно антимонопольной политики. Везде это задача регулирования. У нас соответствующие сферы регулирования не развиты. И поэтому, вот понимаете, в отсутствие гербовой пишут на простой, все вынуждены идти в антимонопольный орган и вместо того, чтобы получить быстрое разрешение конфликтов, имеют антимонопольный иск. Это вообще...

– Это снова совпадает ваш ответ.

– Извините, простите.

– И это не есть хорошо, потому что антимонопольный иск с предписанием – это недостаточно хороший инструмент по ряду причин в разрешении проблем регулирования естественных монополий. Вопрос был о том, что за последние 5-7 лет после принятия второго антимонопольного закона существенно расширился перечень инструментов антимонопольной политики, какие нужны изменения. Честно говоря, я бы уже шла путем вычеркивания. Из задач российского антимонопольного органа я бы сейчас шла путем вычеркивания, а не путем добавления. То есть я бы, конечно, устранила все эти случайные совпадения, что у нас, оказывается, политика в отношении ритейлеров, это часть антимонопольной политики. Да нет, конечно, ничего подобного это. Что у нас политика в отношении закупок госсектора, 223-й Закон, часть антимонопольной политики. Да нет, это не часть антимонопольной политики, это совершенно другие нормы. Что у нас 94-й ФЗ стал частью антимонопольной политики. Да вообще это не антимонопольная политика, и их нужно действительно друг от друга... Опять, если мы хотим все-таки действовать как ученые, мы должны здесь следовать тонким дистинкциям, хотя это не всегда приятно в политических дискуссиях. Был очень хороший вопрос: как я отношусь к тезису Гэлбрейта о том, что сложное производство требует контроля над рынком? Да конечно, великолепно, потому что за модификацию этого тезиса Уильямсон и получил Нобелевскую премию. Фактически о чем идет речь? О том, что когда транзакция обладает определенными характеристиками, то так называемая рыночная координация не работает и нужны очень

сложные механизмы взаимодействия с поставщиком, если не его покупка. Ну а кто же будет возражать? Я очень хорошо отношусь к этому тезису, но это не есть ограничение конкуренции в том смысле, как понимается запрещенная практика в антимонопольном законодательстве. Считаю ли я, что антимонопольное законодательство должно ставить целью регулирование отраслевой структуры производства и цен? Нет, не считаю. Эффективность нынешнего закона, вопрос об эффективности нынешнего закона, о трактовке монополии в нынешнем законе. Эффективность нынешнего закона гораздо ниже, чем могла бы быть, именно по той причине, о чем был вопрос Александра Коваленко, по причинам ошибок первого и второго рода. Дело в том, что ошибки первого рода разрушают вообще эффект инфорсмента. Мы здесь многие люди старшего поколения и поэтому читали повесть Горького «Детство». Когда дед Каширкин (помните, такой персонаж?) порол всех по субботам, вне зависимости от того, озорничали они или нет, он порол всех детей – причем, своих внуков, чужих. То есть вот кого смог поймать, того и выпорол. На самом деле, обратите внимание, на всем протяжении книги они творили такое, что, может быть, и не делали бы, если бы он их порол только за проступки. Так вот когда на самом деле невиновного наказывают абсолютно так же, как виновного, это просто разрушает инфорсмент. И тогда эффекты ошибок первого рода в чем состоят? Что у нас запреты есть, но, поскольку они применяются с громадными ошибками, а инфорсмента нет, и эффекта предотвращения нарушений просто нет. Одно из разрешений очень интересного, того, что кажется парадоксом, – почему спекуляция была наиболее распространена в СССР в начале 20-х годов, когда за нее расстреливали? Да очень просто: там применялась с такими ошибками эта норма, что спекулируй, не спекулируй – тебя все равно могли расстрелять. Поэтому вообще не было особого смысла воздерживаться от этого вида деятельности. Дальше к модели Андрея Евгеньевича по поводу ошибок первого и второго рода в «Журнале Новой Экономической Ассоциации». Как я оцениваю политику ФАС в отношении нефтяных компаний? Очень тяжелый вопрос. Вообще как непоследовательную. Вот так вот мягко скажем – как непоследовательную. С одной стороны, мы готовы создать структуру рынка, которая неблагоприятна для конкуренции, с другой стороны, мы, оказывается, собрались их вертикально разделять. Все решили, что я что-то курила не то, когда рассказывала коллегам, что у нас в дорожной карте по развитию конкуренции есть предложение о вертикальном разделении нефтяных компаний. И с третьей стороны, мы действительно стараемся их наказывать за высокие цены. Считаю ли я, что деятельность профсоюзов есть злоупотребление монопольным положением, и эту деятельность надо корректировать? На самом деле – нет, не считаю, и вот почему. Ограничения, вот когда мы говорим об ограничении конкуренции, что предполагается в виду? Предполагается в виду, это консолидированная группа продавцов по отношению к разрозненным покупателям. Когда профсоюзы противостоят единственному нанимателю... А как известно, на конкурентном рынке труда профсоюзы просто не образуются. Опять-таки, эмпирическое наблюдение. Это не то, что является односторонним ограничением.

Конкуренция – это, скорее, так называемое формирование...

– Уравновешивающая сила.

– Уравновешивающая сила, совершенно верно, уравновешивающие силы, спасибо большое. Примеры потерь от ограничения конкуренции в других странах. Говорить могу довольно много, но я рекомендую и задавшему вопрос, и всем остальным дождаться выхода доклада группы Шеститко в журнале «Экономическая политика», где будут приведены некоторые примеры систематизированные. На самом деле эти примеры оценки очень существенно различаются. Обычно количественные оценки даются по отношению к конкретным рынкам. Вот стандартная оценка. Сговор оценок в среднем повышает цены на 20-25%. Вот вам и оценка, на самом деле, вот вам и количественная оценка потерь. Прикиньте с показателями эластичности, сколько выпуска мы теряем, насколько больше платят покупатели. Интегральная оценка, ну самая такая, я помню, была большая достигнута, рини... одна из консенсусных, вот так вот. Для Великобритании, например, это 6-7% от объема промышленного производства по состоянию на 20 лет назад. Конечно, такие оценки интегральные для промышленности в целом, как и для экономики в целом, очень затруднены и всегда недостаточно достоверны. Что является объектом применения антимонопольного законодательства? Да, должны являться те, кто ограничивает конкуренцию, вне зависимости, формально они относятся к крупному бизнесу и к среднему бизнесу. Бизнес может быть сколь угодно крупный, если нет сознательного ограничения конкуренции, с какой же стати. Бизнес может быть средним по размеру. Известно, что один из самых эффективных картелей в мировой практике потрясающим образом, это был сговор дилеров на рынке НАСДа, каждый из них был среднего размера, участник среднего размера, но когда они объединились 150 там с лишним участников и скоординировали вот эту вот маржу между ценой покупки и ценой продажи, у них все получилось. И мне был задан еще один вопрос. Я, правда, извините, не смогла правильно прочитать фамилию. Антимонопольная политика и государственная экономическая политика – как они соотносятся? Ну конечно, антимонопольная политика – это только очень небольшая часть. Причем, очень специфическое направление государственной экономической политики в том смысле, что с моей точки зрения она защитная, то есть она только направлена на предотвращение ограничений конкуренции как таковой. Спасибо большое.

Прения

– Спасибо, спасибо. Уважаемые друзья, мы переходим к заключительной фазе нашей дискуссии.

Сейчас 19 часов 33 минуты. Я полагаю, что нормально было бы считать, что у нас есть 30 минут, потом завершающие процедуры. Поэтому внимание, пожалуйста. Пожалуйста, внимание. Я прошу поднять руки – сначала подумать, а потом поднять руки, – всех, кто хотел бы высказаться. Двенадцать. Тем самым, 2,5 минуты регламент. Вот это тест, который, между прочим, каждый раз проходит публика – так, как проходит. Люди занимаются самоограничением. Я думаю, что мы начнем с того фланга и пойдем.

– Наоборот.

– Просто в формате есть такой, я просто думал, что будут дебаты, и ожидал, что будет хотя бы два слова, 2,5 минуты, когда докладчики будут критиковать тезисы друг друга.

– Так, секунду. Я прошу извинить. Хочу заметить, что все наши процедуры на наших сайтах объяснены. Я начинаю с объяснения процедуры, которая у нас существует уже 6 лет. Вы сейчас отнимаете время уже у выступающих. Поэтому я передаю Артуру микрофон. Мы начинаем. Видимо, самый правый у нас Леонид Маркович.

– Во-первых, одно замечание к третьему тезису докладчика справа. Понимаете, тезис, что в России это не работает, настолько всеобщ – от ГИБДД до других вещей, – что у них просто выпадает, и по такому принципу нечего обсуждать. Просто все выходим и говорим: «А теперь пункт... да, а также пункт 3». Ну и что может быть? Второе. По моим представлениям, идея о резком сокращении регулирования такая замечательная, но я просто хочу привести два-три пункта, что тогда из этого следует. Пункт 1: во-первых, тогда надо снять и другие ограничения – на рейдерство, на многие другие вещи. Иначе антимонолка... речь о антимонопольной снять. Ну тогда вот просто логически надо расширять. Тогда там боярин, митрополит, купец, опричник, там каждый со своим кистенем свободно конкурирует. Тогда дальше нужно снимать ограничение, раскрывать собственность, потому что иначе невозможно конкурировать, в том числе на рынке собственности. Но тогда мы попадаем в ловушку Геделя о неполноте, потому что тогда надо снять ограничение на сокрытие собственника по оффшорам. Потому что если бы они... Ну я ввел, попытался ввести понятие квазискрытого собственника, о котором все знают, но только не могут доказать, что он собственник. Это известно по

Домодедову, по Куйбышевскому предприятию. Желательно тогда уже идти до конца и печатать индивидуальные идеи. И последнее. Я понимаю, что можно начать с ФАСа, как с рычага для перевертывания мира, но рычаг немножко тощеват, если это малая часть политики. А коалиции, собственность. А тут как бы рычаг маленький, а проблема, к счастью, большая.

– Спасибо. Пожалуйста.

– Я хочу привести пример, когда оценка добра и зла антимонопольных решений существенно зависит от интервала времени. В угле. Вы помните, в 8-м году (...) (87:20) доктора вызывали, мы снизили цены на 10%, штраф получили 800 миллионов, стало хорошо металлургам, стало хорошо трубникам, в конце концов, стало хорошо «Газпрому» от снижения цен на коксующиеся угли. А вот теперь возьмем большой интервал времени. Я всю жизнь работаю в угольной промышленности, и в СССР, может быть, те не знают, угольная промышленность была дотационной, и масса принималась решений и ЦК, и правительства об увеличении объема добычи коксующихся углей хороших, чтобы сталь была хорошая. А на Западе цены на коксующийся уголь в то время росли. В результате на Западе были разработаны совершенные технологии доменного производства, резко снижающих расходы коксующихся углей. А мы сегодня живем с печками 30-х лет, вот эффект от инноваций. От периода времени надо смотреть. На коротком интервале добро и зло участникам рынка, а на большом интервале – по-видимому, добро и зло для экономики страны. Спасибо.

– Спасибо. Кто следующий из заявившихся здесь? Пожалуйста, прошу вас.

– А я все-таки из своих оставшихся двух минут хочу по одной минуте отдать докладчикам, чтобы они хоть как-то объяснились. Потому что одни говорят: надо совершенствовать нечто. А второй говорит, надо нечто...

– А мы потом по минуте им дадим, вы не расстраивайтесь. Мы им дадим в конце. Поэтому можете использовать свои две минуты смело.

– Я считаю, что надо жестче выступающим разделять экономику, которая как наука дает краткое описание тому, что там где-то происходит – у политиков, у крупных предприятий, у государства, у кого-нибудь там. Делает метафоры соответствующие. И совершенно нечто другое, которое обсуждает правила игры, (...) (89:18). Можем ли мы вступить в сговор, есть ли у нас свобода договора, то есть поменять те правила игры, с которыми мы работаем, договориться с покупателями о каких-то долгосрочных вещах? То есть это вообще другая игра, это не экономика, это другая наука, еще надо договориться, какая это наука, потому что это точно не юридическая практика, это, наверное, правоведческая. Переступаем мы границы права, не переступаем? И вообще говоря, а где тут тогда экономисты? И, как я понимаю, один докладчик говорит, что вот тут надо и этику обсуждать, и правоведение, и экономические вопросы привлекать, как-то комплексно подойти к вопросу. А у второго докладчика этого нет, но слово «регулирование» звучит. Тогда с кем мы имеем дело? Ну проблема, проблема. Тогда я говорю: «Это, наверное, что-то не экономическое, а что-то такое другое по принципу». Спасибо.

– (...) (90:19) моя фамилия, Леонид Павлович. Я ваш случайный гость, потому что получил по электронной почте вчера приглашение от Ассоциации выпускников экономического факультета, и я не знал, что есть Ассоциация независимых центров. Я с удовольствием пришел, потому что как раз те вопросы, которыми я занимаюсь. Я работаю в Академии народного хозяйства. Первый вопрос. Мне очень не понравился вопрос: «Нужна ли антимонопольная политика?» Ну это, конечно, в вашу пользу. Но я-то думаю, что сам вопрос излишен. Если нужна антимонопольная политика, вы ответили: «Часть» – правильно. Значит, с моей точки зрения, многие вещи, о которых вы говорили, и о которых я знаю, в частности, по нефтегазовому бизнесу, у меня подготовлены хорошие специалисты и доктора наук из этих сфер. Я знаю, что нигде нет такой жуткой неуправляемой монополии, как там. И этот ужасный рост цен на бензин ничем не обусловлен, никакими явлениями на мировом рынке, кроме монопольного господства – то, с чем мы имеем дело. Поэтому вопрос проблемы, с моей точки зрения, состоит в том, чтобы поддержать первого докладчика и не поддерживать второго, хотя он – мой коллега. Ну, что поделаешь?

– Коллег не выбирают.

– Не выбирают, они от Бога.

– Спасибо.

– Нет, я еще закончу.

– У вас 10 секунд.

– Тогда я поблагодарю и хочу сказать, что, в принципе, мы должны немножко перестраиваться и искать пути не по гайдаровскому направлению, а по направлению повышения роли государства в управлении экономикой. Самая главная беда в стране, что в стране потеряно управление экономикой.

– Леонид Павлович, спасибо большое. Пожалуйста?

– Сушкевич Алексей Геннадьевич, антимонопольная служба. Я, конечно, по должности солидаризируюсь со Светланой Борисовной. Российский антитраст нужен, скажу несколько слов в его защиту. Антитраст как законодательство – очень молодое. И мы честно признаем, что у этого законодательства нет доктрины. Есть какие-то базовые ценности, которые мы принимаем, которые отражены в писанном праве, и которые защищаются этим административным и судебным способом. Что это за ценности? Это свобода экономической деятельности и конкуренция как состояние рынка. Вот, на мой взгляд, мой коллега, с которым я не знаком, он достаточно правильно оценил пределы экономического анализа и экономической оценки того, чем является антитраст. Я бы привел такую небольшую аналогию, что врач, наверное, не самый подходящий человек, который должен судить об общественном здоровье. Хотя он, наверное, лучше всех знает, как функционирует человеческий организм. Дело в том, что вклад медицины в состоянии общественного здоровья не больше 10%. Вот то же самое можно сказать и об экономисте. Все ключевые решения антитраста рождались в головах отнюдь не экономистов, а практикующих юристов, которые защищали свободу торговли, будучи членами высших судебных органов, либо политиков новой демократической волны, пришедших после войны на руководящие позиции в Западной Европе. Вот это люди, которые видели в качестве императива, в качестве ценности свободу экономической деятельности. Прекрасно понимали, какие последствия порождаются и в политической, и в экономической сфере.

В результате – ограничение этой свободы. И вот стимул в создании европейского антитрастовского законодательства, антимонопольного законодательства, как раз состоял в том, чтобы ограничить частную власть, чтобы каждый, у кого есть собственность, и кто хочет ею законно распоряжаться, увеличить свой доход, участвовать в приличном обороте, имел эту возможность. Вот антимонопольный орган предоставляет эту возможность каждому. Если посмотреть на наши дела, мы этим как раз заняты. Пора заканчивать?

– Пятнадцать секунд.

– Остается поблагодарить за эту интересную и содержательную дискуссию. Спасибо.

– Спасибо. Пожалуйста, прошу вас.

– (...) (95:18) Алексей, юрист, адвокатское бюро (...). Вадим в ответ на мой вопрос: «Является ли судебное урегулирование одной из причин такого безобразного поведения антимонопольного органа в судах?», поскольку я могу это утверждать, поскольку являюсь судебным юристом, ответил, что это не является одной из первопричин. Тем не менее, я считаю, что сущность кроется как раз в судебном урегулировании. Вадим сказал, что необходимо сначала установить правила, потом будем обсуждать исключения. Однако, собственно, кто у нас в России может установить правила – законодатель? Он довольно-таки неповоротлив, и не может довольно-таки быстро реагировать на меняющиеся реалии. От антимонопольного органа ждать справедливого урегулирования, наверное, не стоит. Очевидно, остается только единственный орган – это Высший арбитражный суд. Мы можем убедиться, что Высший арбитражный суд может действительно эффективно регулировать сферы, например, сферу честной собственности, где, я считаю, что блистательно (...) (96:24) нормы в защиту частной собственности, например, стабильность кредита и несколько постановлений Высшего арбитражного суда. Тем более, если Высший арбитражный суд уделит пристальное внимание именно антимонопольной сфере, а не будет подходить так, как я уже сказал, в постановлении президиума по делу об (...), где (...) довольно-таки непонятные нормы, которые послужили основанием для возбуждения дела на рынке электробытовой техники, очевидно, это отразится на поведении нижестоящих судов, и прекратит то безобразное поведение антимонопольного органа, которое в большей части в регионах позволяет себе действовать по принципу – «ну, авось, суд поправит». Так

что, я считаю, что судебное урегулирование является не первопричиной, но оно может поправить ту ситуацию, которая у нас сложилась. Спасибо.

– Пожалуйста.

– Добрый вечер, уважаемые коллеги. Меня зовут Олег, представительство компании John Deere в России. Если бы наша дискуссия проходила в формате уважаемой мною передаче «Поединок» Владимира Соловьева, то я бы, наверное, проголосовал сердцем за Светлану Борисовну, но умом голос бы свой отдал за Вадима Витальевича. Хотел бы объяснить, почему. Если мы говорим о конкуренции как об одном из направлений борьбы для, скажем так, позитивного влияния экономики для простых потребителей, то есть мы стремимся, чтобы потребители не платили много денег за качественные услуги. Конкуренция, в этом смысле, очень нам поможет. То уважаемые выступающие забыли такой момент, как вхождение России в ВТО, который мы здесь обсуждали, кстати, несколько месяцев назад. Одно из направлений причин конкуренции – вхождение в ВТО, входят разные иностранные компании, потребители от этого выигрывают. Но каков эффект для страны, никто об этом пока не знает. То есть первые данные должны быть в начале следующего года. Но мы с вами не можем забывать о таком моменте, что в нашей стране все делается, благодаря нескольким конкретным персонажам. Есть такое понятие – «политическая воля». Я не согласен с некоторыми выступавшими, которые говорили, что в России это не работает. В России это работает, но работает по-другому. Если вы помните, когда Владимир Владимирович Путин у нас дает указание нефтяным компаниям понизить цены, либо трем ведущим сотовым компаниям понизить тарифы – один человек может вполне конкретно сделать все. И те пять отраслей, пять индустрий, которые сейчас вы приводили, у которых работают активно монополии, скорей всего могу ошибиться, не являясь специалистом в этой области, но данные компании, данные отрасли являются одними из самых активных поставщиков налогов, скажем так, налогоплательщиков. И вполне очевидно, что отсутствие политической воли некоторых лиц еще долго будет способствовать тому, что антимонопольное законодательство не будет у нас эффективным. Спасибо.

– (...) (100:08). Поначалу, когда я увидел эту тематику, я решил, что первый вопрос вроде бы шуточный. Но потом понял, что он предназначен для того, чтобы стимулировать мышление у студентов. И, конечно, я был совершенно шокирован тем, что, оказывается, возможно, всерьез занимаем позиции отрицания и нужды войны с монополизмом. Цена вопроса. Нам всем повезло, что Андрей

Шаститко напечатал свою статью накануне этого обсуждения. Насколько мне известно, я специализируюсь не в этой теме – это единственный материал, которые ставит конкретно точки над «I». Но Андрей взял только пять секторов. Я понимаю, что работа может продолжаться, я надеюсь, что она будет продолжаться. Если взять всю совокупность и самую главную совокупность секторов и все точно так же пересчитать, то цифры могут оказаться на порядок выше. А если он пойдет еще вверх... Во всей этой истории меня теоретически волнует только один вопрос: а в принципе, возможна ли конкурентная экономика при монополизированной политической системе? Вроде бы, с точки зрения системного подхода, и с точки зрения здравого смысла, и с точки зрения российской практики это никак не получается. Поэтому люди разделяют: нужда в борьбе с монополизмом и антимонополистическая практика – это две совершенно разные темы. Нужда в России большая, а практика жалкая, потому что и законодательство слабое, и антимонопольная служба еще слабей, чем ее собственное законодательство.

– Пожалуйста, Кемер Борисович.

– Норкин, Институт проблем управления. Во-первых, обоим докладчикам спасибо. Здесь вот Вадима Витальевича немножко критиковали. Я потом скажу, почему я вас не очень (...) (102:24). Но Светлана Борисовна меня во всем опередила. Единственное, на что мне хотелось бы обратить ее внимание. В своем анализе специфики антимонопольной борьбы в России вы не учитываете следующее обстоятельство: у нас возвращаются в экономике, так называемой, огромное количество неучтенных денег. Я проводил исследование: получение земельного участка в Москве дает возможность получить прибыль 600% на вложенный капитал – это совершенно искажающее вашу картину. Но в целом это можно учитывать и так далее. Что касается Вадима Витальевича. На самом деле, слушая ваш доклад, я вспомнил, конечно, во-первых, статью Рутгайзера и Русанова, в которой доказывается, что 70,1 миллионов долларов за «Норильский никель» – это страшно выгодная продажа. То, что он сам 59 миллиардов стоит – это как говорится, бог с ним. И второе, что мне вспомнилось – книжка Гэлбрейта «Экономические теории и цели общества». То есть на самом деле, совершенно ясно, какую вы защищаете вещь. Но на самом деле вот ваша аргументация показывает, какие глупости нельзя делать в антитрастовском законодательстве. На самом деле нельзя разрешать людям злоупотреблять. И, на мой взгляд, самое важное – искать методы не выявления траст – не траст, так сказать, а искать методы воздействия. У нас в Москве есть опыт, мы придумали экономику и правовую систему, которая так делает налогообложение, что невыгодно им вступать в монопольный сговор. Кстати, это написано в книге. Спасибо.

– Пожалуйста.

– Андрей Шаститко. Задача моя будет немножко попроще, поскольку свою позицию о судьбе антитраста в России я изложил в статье «Быть или не быть антитрасту в России» в журнале «Экономическая политика». Там есть несколько экземпляров. Это не та статья, про которую сегодня здесь многократно говорили, про количественные замеры. Если совсем коротко, могу сказать, что здесь, по большому счету, два вопроса, на которые я хотел бы ответить: так все-таки нужен ли антитраст вообще, и нужен ли такой антитраст в России? Ну, и ответвление: а можно ли с этим что-то сделать? Антитраст, конечно же, нужен. И я неслучайно здесь упомянул признанного среди неоавстрийцев Ротбардта, который на самом деле последовательно выступает у неоавстрийцев в пользу отмены антитраста. Дело в том, что в его доказательстве невозможности – не то, что там полезно – не полезно – невозможности картеля было заложено то, что в ответ на повышение цены все потребители почему-то вдруг откажутся от приобретения данного товара. Вот это как раз и проблема коллективного действия, о котором сегодня говорила Светлана Борисовна. А с какого перепугу это произойдет, и на какие заменители они переключатся – это очень большой вопрос. И с чего вдруг уважаемый автор трактата, написанного 13 лет назад, взял вот такое? И отсюда как раз многочисленные замеры, в частности (...) (106:24) Болотовой. Там и 10%, и 20%, и 30% и больше. И на самом деле, когда такой куш, может быть, даже когда это было законно, но люди, договариваясь, на самом деле, и мать родную, видимо, продадут. И убьют, в конце концов, тех, кто попытается втихаря продать кому-то подешевле. Поэтому вы не думайте, что картельщики такие белые и пушистые даже в условиях законов картелей. Другой дело – в России. Понимаете, в чем дело? Понятно, что когда ва-ришься в антитрасте... Я согласен целиком и полностью с Вадимом Витальевичем, когда окунаешься в практику правоприменения, иногда доходит до уныния. Поэтому по электробытовой технике, конечно, я тоже знаю не понаслышке, что там было. И с этой точки зрения я могу сказать – да, действительно в России есть очень тяжелая болезнь, связанная и с дисфункциональностью антитраста, и с дрифтом антитраста в сторону банального экономического урегулирования. И если вспомнить историю, скажем, с коллективным доминированием, когда именно нефтяные компании приложили с помощью этой нормы, причем самым жутким образом извратили модель доказательства, и это отпечаталось в решении Высшего арбитражного суда, конечно, вот такой антитраст нам точно не нужен. Но можно ли что-то сделать? И вот здесь как раз может быть записка для аудитории. А не кажется ли вам, что действительно проблему антитраста в России было бы интересно рассматривать в свете проблемы возможностей и ограничения перехода из порядков ограниченного доступа в порядки открытого доступа? И тогда можно ли считать, что конкурентная политика

в целом, или антимонопольная политика, является инструментом движения в направлении порядков открытого доступа? Или мы вынуждены согласиться, что до тех пор, пока мы какими-то другими инструментами не двинемся в сторону порядков открытого доступа, мы будем вынуждены рассматривать их как ограничение. Спасибо.

– У меня претензии и к докладчикам, и к руководству семинара. Я длительное время, с самого начала нахожусь на этом заседании. И я не помню ни одной темы – может, конечно, это моя вина – чтобы ставилась тема не о России, а как-то в целом, где надо было бы сопоставлять то, что происходит в России, то, какие условия в России, с тем, что происходит на Западе. Хотя обсуждается применение тех норм, тех представлений, которые выработаны на Западе, и хорошо работают только там, а у нас очень часто не работают. То есть понятно, что и в этой теме, которую сейчас мы обсуждали тоже, обязательно в России. Ее нельзя похерить, понимаете? Когда я читаю слово «антимонопольные», то сразу возникает вопрос: «А что сейчас более важное в мире в экономике: конкуренция или монополизм?» Я бы уже сказал, чтобы было понятней, не монополизм, а фрагментация рынков, дробление рынков. Вот конкуренция между крупной корпорацией и малым бизнесом или средним бизнесом невозможна, возникают колоссальные барьеры. И вот обходить эту проблему и говорить только о тех задачах, которые ставятся и как-то решаются нашим антимонопольным комитетом – это, по-моему, уходить от главных вопросов. Вот в этом смысле, я так понял, по крайней мере, Светлана Борисовна говорила о том, что регулирование, контроль над рынком – это частные, экзотические случаи. Да нет же! Да, наоборот, регулирование происходит повсеместно и, наоборот, конкуренция происходит там, где более сильные экономические и политические структуры позволяют это.

– Спасибо.

– Павина Валентина, экономический факультет. В отличие от моего коллеги, который выразил претензии, я бы хотела выразить благодарность за потрясающе интересную дискуссию и чрезвычайно хорошие и информативные доклады. Что касается дискуссии, то в отличие от большинства, которые здесь рассматривали теоретические аспекты, я вернусь к практике. Мне трудно, Вадим Витальевич, согласиться с вашей ссылкой на Максима Бойко о том, что, дескать, в 90-е годы антимонопольный комитет не смог ничем помочь малому и среднему бизнесу. Он по определению не мог этого сделать. Почему? Потому что антимонопольное законодательство было не развито. Нормы и

финансовые санкции были просто смешные. Приведу пример, начало нулевых годов, весна, очередное весеннее повышение цен на бензин. У нас так всегда бывает, цены на бензин в уборочную повышаются: в июле-августе, и весной – в две цены. Так вот, будучи депутатом Горсовета во Владимире, я инициировала и провела депутатский запрос, который мы направили в управление антимонопольной службы по Владимирской области и в ФАС на предмет вот этого повышения. И, что интересно, каков был ответ? Это был, кажется, 2003 год, если память не изменяет. Наш региональный орган ответил, что: «Никакой монополии у нас нет. У нас вот тут пятеро фигурантов, которые занимаются поставкой бензина, и это не подходит ни под какие нормы антимонопольного законодательства». Поэтому у меня первая претензия к нашему антимонопольному законодательству – безусловно, планка в 35%, выделяющая доминирующее положение на рынке, явно недостаточная, то есть явно велика. Есть рынки, как было правильно сказано, можно и 150 субъектам организовать такой рынок, что мало не покажется. Что касается ответа из ФАСа, он был очень хорошим, развернутым, полным. Но суть его сводилась к тому, что: «Мы разделяем ваше беспокойство, но ничем помочь не можем». Потому что штрафы за нарушения тогда были выражены в МРОТ, а МРОТ был равен 100 рублям. Они были смешные, это был эквивалент обеда на двоих в московском ресторане. То есть можно было миллиардно завышать цену на бензин при сговоре, и за это заплатить штраф, равный обеду в московском ресторане. И было сказано, что в мировой практике штрафы достигают с 10% от оборота. Дескать, и у нас будет то же самое. Так вот у нас сейчас действительно существенно повысились штрафы, даже до 15%, что существенно изменило ситуацию на рынке. Но все-таки возвращаясь, антимонопольная действенность нужна. Вот было сказано: «Может ли быть рынок в условиях монополизма?» Может быть. Вернее, конкуренция между монополиями. Но нам, бедным, делать там будет нечего. И единственное спасение нас, незащищенных всех потребителей – это должна быть некая сила, защищающая нас. И такой силой должны быть антимонопольные органы. Поэтому чуть им и хвала, и дай Бог им успехов.

– Итак, уважаемые коллеги, мы предоставим аж по 3 минуты каждому из докладчиков. У нас на вопросы начинал отвечать Вадим Витальевич. Теперь Светлана Борисовна ответит.

Заключительное слово Светланы Авдашевой

– Вы знаете, я думаю, что я сэкономлю время, потому что я не готовилась к резюмирующему выступлению. Хочу только повторить свою позицию о том, что – да, конечно, да, мы – экономисты. Да, в чем-то наш инструмент ограничен. Но, как мне кажется, мы должны лучше использовать именно наши инструменты, а это означает: считать издержки и выгоды, считать их точнее, считать их в коротком периоде, считать и прогнозировать их в длинном периоде. Но если мы – экономисты,

мы должны заниматься именно расчетами, а в меньшей степени – политическими спекуляциями. Спасибо большое.

– Спасибо. Вадим Витальевич?

Заключительное слово Вадима Новикова

– Добрый вечер. Мне кажется, во многих дискуссиях об экономической политике и не только экономической, делается одна и та же ошибка: мы привыкли судить о многих институтах по заявленным целям, по тому, что, как нам кажется, они должны делать, а не глядя на их результаты, непосредственно. Если глядеть на результаты, коммерческие предприятия могут разоряться. Каждый, кто по субботам открывает «Коммерсантъ», видит 50 полос объявлений о банкротствах. Это свидетельство того, что не все институты работают так, как хотят их основатели. Правоохранительная система, как показал нам недавно Институт проблем правоприменения, может заниматься вовсе не охраной прав, а многими ужасными вещами, о которых вы знаете не хуже меня. Антитраст не является исключением. Недостаточно сказать, что есть проблемы с конкуренцией или с монополиями, или с чем-то еще, и есть специальное средство борьбы, которое поможет именно потому, что оно называется «антимонопольное законодательство». Дело не в названиях, дело, собственно говоря, в том, как работает. Как же оно работает? Леонид Григорьев нам сказал, что общее место, почти как и во многих других случаях регулирования, не работает. Согласились. Действительно тут мы приходим к основному вопросу, который, по всей видимости, разделяет мою позицию и позицию Светланы Борисовны: а может ли это работать иначе? Я, разумеется, знаком с публикациями Светланы Борисовны. Она выступает за нормальный, похожий на западный, антитраст. Давайте переведем это на такой более простой и конкретный язык. В России в прошлом году было 3 197 дел о злоупотреблении доминирующим положением – это больше, чем у всех остальных участников вот этого международного рейтинга вместе взятых. Для сравнения: в США – 9. Давайте попробуем представить сделать какую-то поправку на Россию. У нас трудности с конкуренцией, у нас все – не как в Соединенных Штатах Америки. Пусть, будем считать, что нормальный антитраст – это 30 дел. Вот это расстояние между 3 197 делами и 30 – расстояние большое. Намного большее чем то, что предлагаю пройти я – это 99% дела. Скорее всего, если бы я считал, что это расстояние вообще пройти возможно, я бы считал, что это занятие не стоит того, чтобы его обсуждать и тратить на это свою жизнь. Это было бы действительно несомненное улучшение. Об оставшемся 1%, может быть, я бы и не беспокоился. Проблема в том, что я не верю в то, что эти 30 дел возможны. Я считаю, что бывают страны или обстоятельства, где по крайней мере в обозримой, среднесрочной и даже долгосрочной – 20 лет перспективе, выбор стоит совершенно другого: либо более или менее так, как

есть, либо никак. Грузия, которая провела успешные реформы, действовала таким образом: она практически обнулила импортные пошлины с одной стороны, с другой стороны Грузия отменила и антимонопольные законы. И то же самое прошло с громадным количеством других контролей и надзоров. И, собственно, именно это помогло им пробраться в верхушку различных рейтингов, в том числе по ведению бизнеса. Мне кажется, что в странах, похожих на Грузию или на Россию, возможно только это, а все остальное является чрезмерным оптимизмом. Хорошая новость состоит в том, что при этом, как мне кажется, исследования, которые есть на данный момент, показывают, что если мы отменим антитраст, мы ничего не потеряем. Светлана Борисовна вначале говорила про (...) (119:30), про вакцинации. В общем, она неявно отсылала к микробной теории болезни. Разница между микробной теорией болезни и антитрастом состоит в том, что микробная теория болезни подтверждена эмпирически. А здесь, несмотря на 120 лет применения у нас нет сколь-нибудь надежных свидетельств того, что когда-нибудь это помогает.

Заключительное слово ведущего

– Спасибо. (*Аплодисменты.*) Уважаемые друзья, я прошу поблагодарить обоих докладчиков, которые, на мой взгляд, показали не только (...) (119:59), но и блестящие ораторские способности. У нас бывали весьма интересные диспуты, но чтобы оба докладчика не только в противоположной точке зрения заявляли и содержательно аргументировали, но еще блестяще владели словом – все-таки кайф, правда, коллеги? (...) (120:23) общее слово для завершения, пожалуйста.

– Как обычно, мы вас увлекаем на следующий диспут. Он будет 20 декабря. Место пока здесь.

– Вот это наш зал в том корпусе, специально спроектированный под работы Диспут-клуба.

– Вадим Витальевич как бы перекинул мостик, упомянув в своем заключительном слове Грузию, тема посвящена этому. Она звучит так: «Можно ли быстро вырваться из институциональной колеи? Пример Грузии». Участники: Лариса Александровна Буракова, автор книги «почему у Грузии получилось», и Ирина Викторовна Стародубровская, Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара, лауреат медали АНЦЭА. Всех ждем.

– 20 декабря, 18 часов. До встречи, коллеги.